

Идущий

Автор:

Игорь Колосов

Идущий

Игорь Колосов

За мальчиком Дини, лечащим любые недуги, охотятся воины Правителя и могущественный монашеский Орден Талхов. Лишь Совет Ордена – его верхушка – знает о Пророчестве и о том, что до Великой Катастрофы была иная цивилизация, более развитая. В Пророчестве упоминается мальчик-мессия, идущий по Всем Заселенным Землям. Но Пророчество умалчивает, одолеет ли мессия Болезнь Без Названия, уничтожившую прежнюю цивилизацию.

Игорь Колосов

ИДУЩИЙ

Я вечный странник в этом мире

Всюду лишь гость

Чаще всего нежеланный.

Сегодня мы отправляемся

В Путь, и да поможет

Нам Небо.

ПРОЛОГ (ПОСЛЕДСТВИЯ)

Парящий под облаками орел не смог бы заметить, что они двигались друг за другом.

Этих людей связывала незримая нить. Каждого из них вынудили отправиться в путь свои причины: кого-то горе, кого-то отсутствие выбора.

Величественная птица, пережившая все передряги этого Мира, отдавшись на волю воздушных потоков, видела тысячи других людей. Видела города и деревеньки, пятнами усыпавшие землю. Но для черной птицы никто из людей не выделялся из общей картины безликого человеческого муравейника.

Она видела мальчика, похожего на листок, сорванный ветром и все дальше гонимый его порывами. Мальчика сопровождала летучая мышь, существо из подвида вампиров. Летучая мышь спала большую часть дня и лишь с наступлением сумерек опять находила человека с помощью дара, присущего только ее сородичам – эхолокации.

Черная птица видела мужчину в дорожном плаще, под которым скрывалась иная одежда, незаметная даже ее всепроникающему взору – темно-серая ряса монашеского Ордена Талхов. Ордена, рожденного Великой Катастрофой, Преобразовавшей Мир. Ордена, набравшего за последние столетия такую силу, что даже официальной власти приходилось считаться с талхами.

И еще птица видела четырех человек в бордовых плащах, следующих за мальчиком и монахом и неумолимо сокращающих расстояние. В отличие от монаха они не скрывались. И они перемещались верхом на лошадях – роскошь, которую могли позволить себе считанные люди.

Это и давало им преимущества.

ПРОЛОГ (ПЕРВОПРИЧИНА)

Когда мальчик выбежал из рожи и увидел черный дым, клубившийся над домом тяжелой тучей, он уже знал, что случилась беда. Он почувствовал это, как иногда чувствуешь на себе чей-то взгляд, но осознаешь это, лишь повернув голову и заметив чужие глаза.

Десятилетний мальчик замер, опустился на колени. Завалился на бок. Дыхание сперло, он даже не смог заплакать. Лишь сипел, глухо и жутко, но его никто не слышал. Затем он встал и неуклюже, как младенец, пошел к дому. Из-за выступивших слез он не различал дороги. Гарь остановила его. Мальчик закашлялся. Дом, пожираемый огнем, скрипел. Ребенок почувствовал жар. Он позвал отца и мать. Кожа на лице и руках болезненно нагрелась, но мальчик сделал еще пару шагов вперед. И увидел родителей.

Мать лежала у крыльца, ее одежда была пропитана кровью. Отец лежал на углу дома, и мальчик заметил только его ноги. И еще меч, который незаконно хранили его родители.

Они были мертвы.

Мальчик уловил запах крови, попятился, зацепился и упал на спину. Он перевернулся на живот, прополз несколько шагов, зарыдал. В легкие проникало все больше дыма, но мальчик не осознавал этого. Он лежал, свернувшись калачиком, и плакал.

Дом, умирая, посылал в небо поток искр. Одна из них, спикировав миниатюрной падающей звездочкой, ужалила мальчика в затылок. Отметина от ожога останется на всю жизнь. Мальчик вскрикнул, пополз прочь. Казалось, дом пытался спасти ребенка.

Ближе к лесу мальчик потерял сознание.

ЧАСТЬ 1

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

1. ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ ИЛИ ПОПУТЧИК?

1

Дини очнулся на закате.

Легкие наполнились гарью, и мальчик долго кашлял. А потом какое-то время сидел и беззвучно плакал. Ему мерещились голоса отца и матери. Мать успокаивала его, говоря, что смерть ничего не значит. Отец требовал от него мужества.

Эти призрачные голоса помогли. Мальчик перестал плакать и представил, как бы поступил на его месте отец. И понял, что ему нужно уходить.

К дому никто не пришел, хотя за поворотом дороги была деревенька. Скоро сюда придут вооруженные люди барона Магбура, в чью вотчину входила деревенька. Больше никто не придет. Жители деревни боялись. Убить семью и поджечь дом могла какая-нибудь банда, в последние годы их развелось немало.

Было и другое объяснение.

Отец Дини попал в когорту неугодных. Он не проповедовал своего образа жизни и мыслей открыто, но это ничего не значило. Как солнце не остановит собственное сияние, так и отец не мог таить в себе то, что было сутью его души. Скорее всего, он навлек на себя гнев властей.

Дини не мог пойти к кому-нибудь из жителей деревни. Ни в одном доме его не примут из-за страха за собственных детей. Он остался жив, но для здешних мест это было равносильно смерти. Он должен уйти, чтобы не заразить других собственной судьбой, как должен уйти прокаженный.

Дини поднялся, повернувшись спиной к останкам родного дома.

Уйти.

Куда? И как он будет жить дальше?

Его спины как будто что-то коснулось, и мальчик обернулся. Сзади никого не было. Снова зазвучал голос отца.

Мужество, говорил отец, великая вещь. Будь мужественным, гони отчаяние прочь. Ты не должен бояться, ничего не надо бояться, даже смерти, и собственной, и тех, кто тебе дорог. Смерть – это не то, что думают большинство людей. Совсем не то.

Отец говорил разное. Дини понимал не многое из того, что слышал. Один разговор мальчик запомнил надолго и сейчас уцепился за него, как за спасительный канат.

Это было три года назад. Отец разговаривал со своим братом, жившим в соседней деревушке. Время, говорил отец, вещь, которую выдумали люди, его просто нет. Время – одно из приспособлений, которым они пользуются для удобства. И, как часто бывает, необходимые вещи поработают сознание. Отец сказал, что все существует в настоящем, все сразу. Но время, придуманное нами же, держит наши глаза закрытыми. Оно – туман, мешающий видеть. Чтобы понять это, надо подняться над этим туманом. И тогда человек увидит мир по-другому, поймёт, что никто никуда не уходит, что умершие не исчезают в небытии, что все по-прежнему живы. Живы в настоящий момент.

Дини находился рядом и, конечно, ничего из сказанного не понял.

– Папа, значит, вы с мамой никогда не умрете?

Отец улыбнулся, покачал головой.

– Наверное, другие люди подумают, что мы умерли, но ты, если очень сильно захочешь, сможешь увидеть нас и поймешь, что мы всё-таки живы. Ведь на самом деле никто никогда не умирает.

Если очень сильно захочешь.

Дини стоял, глядя перед собой, и вспоминал эти слова снова и снова. Он знал, что отец никогда не лгал. Отец всегда говорил правду. Получалось, родители живы? И Дини мог их увидеть?

Но как?

Мальчик всхлипнул. Волна горячего желания разбилась о неприступную стену.

Надо жить и идти, снова послышался голос отца. Идти предназначенной дорогой. Идти до конца. Потому, что дорогу осилит только идущий.

Дорогу осилит идущий.

Отец часто повторял эти слова. Мать как-то сказала, что лишь одно это выражение может навлечь на них беду. Это была фраза из какой-то древней книги, якобы повествовавшей о Мире до Великой Катастрофы. Из запрещенной и давно забытой книги.

В этот момент, в который решалась его судьба, мальчик отдался на волю собственной интуиции. Отец не мог его обманывать, и Дини верил, что увидит своих родителей. В последний раз он оглянулся на место, где жил с рождения, и сделал первый шаг. Слезы вновь подступили, но теперь в них не было столько горечи. Главное – он вышел на свою дорогу.

2

Мужчина и женщина смотрели на мальчика на крыльце своего дома.

Мальчик приходился им племянником – сын родственника из соседней деревни. Уже то, что он оказался здесь один, означало: пришла беда. Лицо у ребенка было вымазано, волосы всклокочены. Рубаха, испачканная сажей, в дырах. От мальчика исходил запах гари.

Мужчина, растерянный, отступил в сторону.

– Заходи, Дини.

Мальчик вошел в дом своего дяди.

Дини заблудился в ночном лесу и плутал до рассвета. Под утро он вышел к деревне, где жили его родственники. Он не думал про них, просто шел вперед и оказался в соседнем селении. Тетя запричитала. Дядя велел ей молчать. Он догадался, что его брат с женой погибли. Позже они узнают от Дини подробности, но не сейчас.

Они отмыли племянника, накормили. Дини провалился в сон, долгий и на удивление ровный, без кошмаров. Он проспал почти весь день, проснулся под вечер, поел и снова улегся в кровать.

У дяди и тети было четверо детей. Двое давно ушли из деревни в поисках лучшей жизни. Двое других детей были почти того же возраста, что Дини. Он встал, когда стемнело. Прошел к комнате дяди и тети, замер, услышав их приглушенные голоса.

– Куда он пойдет? – говорил дядя. – Кому он нужен? Сейчас на дорогах полным-полно сирот.

Голос тети:

– Я знаю, знаю. Бедный наш Дини. Мы бы его как-нибудь прокормили. Но не случилось бы чего. А если убийц подослал барон? Они ведь прознают, что он живет у нас. У нас двое собственных, а Дини мы все равно ничем не поможем.

Дядя медлил с ответом, и тетя, будто оправдываясь, сказала:

– Я за него боюсь. Как бы не получилось, что мы его оставим на верную гибель.

Послышался глухой звук. Дини не сразу понял, что дядя хлопнул ладонью по столу.

– Вот что, милая, – в голосе дяди слышалась недовольство. – Прекрати причитать раньше времени. Накличешь беду. Им нужен был мой брат, и они его получили. Чем мешает им ребенок? Что с того, что он остался жив? Он поживет у нас, пока не узнаем точно, что произошло, а там видно будет. И не спорь.

Дини вернулся в свою комнату, забрался под одеяло. И лежал, глядя в потолок. Вскоре в комнату заглянул дядя, решил, что племянник по-прежнему спит, вернулся к жене.

Дом затих, все легли спать.

Не спал только Дини. Не потому, что уже выспался, мальчик ждал. Он решил уйти ночью. Он должен уйти. Его ждет дорога, осилив которую он сможет увидеть своих родителей. Уйти днем сложно. Дядя не отпустит его. Дини не хотелось его огорчать. Мальчик не обижался на тетю, он ее понимал. Он уйдет, но дядя и тетя этого не увидят.

Мальчик выждал до полуночи, встал, прошел в спальню взрослых. Минуту он постоял на пороге. Дини беззвучно поблагодарил их и вышел. Подумал, не взять ли какой-нибудь еды, поколебался, понимая, что дяде и тете тяжело кормить двоих детей, и все-таки забрал то, что не доел во время ужина: половину овсяной лепешки и пару картошин. С одеждой проблем не было. Родственники переодели его, дали не только новую рубаху, но и плащ, который пригодится в холодные ночи.

Дини выскользнул на улицу, осторожно прикрыл за собой дверь, поклонился дому и вскоре покинул деревеньку, растворившись в ночи. На исходе этой ночи он впервые увидел жуткое существо, которое, казалось, преследовало его.

Летучую мышь.

3

Дини шел всю ночь, стараясь уйти как можно дальше. Он опасался, что дядя попытается догнать его.

Мальчик обогнул соседнюю деревеньку, не желая оставлять следов. Он пробирался лесом, вздрагивая, когда дерево или пень превращались в воображении во что-то опасное. Когда небо, прежде черное, как сама земля, посерело, Дини стал поглядывать вверх. В один из таких моментов он споткнулся о корень дерева и упал. Послышался звук, похожий на шелест листьев, потревоженных внезапным порывом ветра. Мальчик перевернулся на спину, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь. Что-то пронеслось над головой, и мальчику померещилась какая-то тень.

Спина у Дини покрылась пупырышками. Возможно, всему виной темнота, и при свете дня страха бы не было. Дини встал, желая одного – уйти подальше. Через несколько шагов мальчик снова споткнулся. Падая, опять услышал глухой шелест.

Дини замер. Может, если не двигаться, его оставят в покое? Мальчик ждал. Когда он уже почти убедил себя, что вокруг никого нет, рядом закачалась ветка. Под чьей-то тяжестью. Дини заметил расплывчатое пятно, задержал дыхание. Пятно зашевелилось, приобретая очертания, и Дини узнал летучую мышь. Мальчик вскочил и побежал. Он несколько раз падал, но тут же поднимался. Впереди ослабла чернота – лес переходил в поле. На опушке Дини остановился. Он уже не мог бежать, не хватало дыхания. Уверенный, что оторвался от мерзкого существа, он вглядывался в расплывчатую массу деревьев. Дыхание восстанавливалось. Дини вымучено улыбнулся, готовый продолжить путь.

В пяти шагах на одной из нижних ветвей дерева свисала злополучная тварь.

Мальчик попятился, осел на землю. Тварь вовсе не упустила его. К счастью, она не нападала. Казалось, летучая мышь лишь держала его в поле зрения. Дини следил за мышью и вспоминал, что слышал от взрослых про этих существ. В голову ничего не приходило. Рассвет набирал силу, и теперь он мог разглядеть тварь подробнее. Тупая бульдожья мордочка. Ее покрывают кожные наросты. Короткая рыжеватая шерсть упругого тельца. Его облегают крылья, свисающие миниатюрными темными плащиками. Уши почти как у обычной полевой мыши. Не видно только глаз. Кажется, они закрыты.

Успокоенный неподвижностью летучей мыши, Дини приподнялся, выждал, шагнул в сторону. Тварь не пошевелилась. Дини сделал еще пару шагов. Летучая мышь никак не отреагировала. Окрыленный маленьким успехом, Дини вспомнил, что летучие мыши охотятся по ночам, днем же они спят.

Ночь отступила. Мальчик, глядя на существо, попятился. Когда летучую мышь скрыли деревья, Дини перестал таиться и побежал. Не рискуя выходить на открытое место, мальчик устроился на опушке леса под первым приглянувшимся кустом. Он убедился, что один, и сразу уснул.

Прежде чем встало солнце, на одну из ветвей кустарника, под которым устроился мальчик, опустилось существо с мышиной головой и крыльями, натянутыми на лапы крохотными черными парусами.

Оно свесилось вниз и замерло безжизненной тушкой, но мальчик этого не видел.

4

В этот день Дини обогнул три деревеньки. Он все еще находился во владениях барона Магбура. Пока у него остается еда, он не покажется людям.

Мальчик проснулся в полдень и первое, что увидел, была летучая мышь. Дини не сомневался, что перед ним та самая тварь, от которой он скрылся на рассвете. Мальчик смотрел на существо, понимая, что летучие мыши не преследуют людей. Летучая мышь не шевелилась и выглядела спящей. Дини поднялся и медленно ушел.

Он не выходил к дорогам, полагаясь на интуицию. Как он ни экономил остатки еды, к вечеру в карманах ничего не осталось. В сумерках он услышал знакомый шелест – его нашла летучая мышь.

Дини вздрогнул, но ничего страшного не происходило, и он пошел дальше. Летучая мышь то исчезала на некоторое время, то опять глухо вспарывала воздух над самой головой. Иногда садилась на ветку, повиснув в своей излюбленной позе, и провожала ребенка взглядом. Затем, после очередной непродолжительной паузы, появлялась в поле зрения.

Как же ему спать, зная, что рядом находится летучая мышь? Он уже не сомневался, что летучая мышь, преследующая его с такой настырностью, относится к существам-вампирам. Существам, питающимся и кровью людей.

Летучая мышь выжидает, когда Дини заснет?

От усталости мальчик спотыкался и вскоре присел под деревом. Глаза он не закрывал. Если не спать, летучая мышь-вампир не тронет его. Дини сказал себе, что отдохнет лишь чуть-чуть. Отдохнет и пойдет дальше. Летучая мышь опустилась на ветку ближайшего дерева, свесилась, завернувшись в смятые скатерки крыльев. Мальчик захныкал.

- Что тебе надо? Я хочу спать, не трогай меня.

Летучая мышь не шевелилась, и Дини заплакал. Существо, встряхнувшись, расправилось и упорхнуло в чернильную вязь леса. Некоторое время Дини оглядывался и даже не заметил, как его подхватил сон.

Вскоре к нему присоединилась летучая мышь, потяжелевшая после того, как насытилась благодаря косуле, дремавшей в пяти минутах полета отсюда.

5

Утро началось с суетливых поисков отметин, что могли оставить зубы летучей мыши на его теле.

Тварь свисала с ветки в нескольких шагах, и мальчик не сомневался, что она провела ночь рядом с ним. Он со страхом рассматривал себя и все-таки признал, что летучая мышь его не тронула. Страх покинул его, уступив место голоду. Дини пойдет в первое селение.

Деревенька встретила его на пути, когда приближался вечер. Ему придется просить еду. От этой мысли стало неуютно. Мальчик вспомнил о родителях. Если не попросить еды, он ослабнет и не сможет осилить дорогу. Он представил лицо матери, ожидающей его где-то в конце этого пути, вспомнил ее слова.

Если ты хочешь что-то и не можешь найти, не стесняйся: попроси у кого-нибудь.

Стучите, и вам откроют. Это тоже были слова из древней книги.

Он вошел в деревню, надеясь, что летучая мышь отстанет от него. Людское поселение – не лес.

В этой деревне мальчик открыл в себе то, что стало причиной всех последующих событий.

2. ДАР

1

Женщина вышла из дома с кастрюлькой в руках выплеснуть воду. Увидев мальчика, она замерла.

Дини не стучал в дверь, не приближался к дому, он проходил мимо, но за минуту до того, как появилась женщина, что-то задержало его. Мальчик остановился, непонимающе разглядывая дом, самый обычный дом для такой деревеньки, остановился, хотя паутина сумерек оплетала улочки, а он рассчитывал покинуть селение, провести ночь вне его пределов.

Он уже не был голоден, его ничто тут не удерживало. Дини получил еду в первом же доме, куда постучал. Ему открыла пожилая пара, мальчику понадобилось несколько слов, чтобы старики вынесли ему лепешек, молока и даже кусочек ветчины. Глядя, как ребенок ест, они предложили ему зайти в дом, провести у них ночь, но Дини робко отказался. Старики не настаивали, пожелали счастливого пути, на прощание дали ему несколько лепешек, и мальчик ушел. Он двинулся на другой конец деревни, чтобы там свернуть с дороги к лесу. Кругом было пусто, но вместе с долгожданной приятной тяжестью в желудке он испытывал необъяснимую тревогу.

Он не прошел и половины деревеньки, когда рядом пронеслась уродливая тень, встряхнувшая неподвижный сиреневый воздух. Летучая мышь нашла его в который раз. Дини пожалел, что не принял предложения стариков. Проведи он у них ночь, глядишь, за следующий день получилось бы оторваться от назойливого существа. Летучая мышь, напугав его, снова исчезла, но мальчик не испытывал по этому поводу иллюзий. Он ведь собирался ночевать в лесу.

Он остановился у этого дома на окраине селения, забыв про летучую мышь, забыв о стремлении поскорее покинуть деревеньку.

- Ты не здешний? - спросила женщина.

Дини показалось, что она только что плакала. Он покачал головой, отступив на один шаг, хотя в хозяйке, как и в самом доме, не было ничего настораживающего.

- Голодный?

Мальчик кивнул, спохватившись, испытал мгновенный стыд и замотал головой. Женщина восприняла это по-своему.

- Зайди, я накормлю тебя. Еды немного, но кое-что есть.

Дини сделал шаг к крыльцу, отступил назад.

- Спасибо, тетя. Меня уже покормили.

Она улыбнулась.

- Зайди, не бойся. Даже если ты не голоден, никогда не помешает покушать плотно. Особенно одинокому мальчику. И негоже идти ночью по лесу.

В ее голосе послышалось усилие, которое она прилагала, чтобы не разрыдаться. У нее что-то случилось. Горе с кем-то из близких. Дини не мог ей отказать. И еще он вспомнил о летучей мыши. Вряд ли тварь потеряет его окончательно, раз уж прилетела за ним в деревню, но это был хоть какой-то шанс.

Вслед за женщиной Дини вошел в дом.

2

Когда хозяйка усаживала его за стол, она тихо сказала:

- Не смотри туда.

Это относилось к чему-то, что находилось в дальнем, самом темном углу большой комнаты, из которой и состоял этот дом.

Женщина поставила перед ребенком миску, наполнила ее жиденькой, но вкусно пахнущей кашцей, положила рядом кусочек пшеничной лепешки. Самый дорогой сорт хлеба в этих местах. Дини заставил себя смотреть перед собой. Родители учили его правильно вести себя в гостях. Если хозяева что-то просят, это надо выполнить в первую очередь.

Поначалу это оказалось несложно.

От каши, на вид не очень аппетитной, пахло сказочно, и этот аромат с легкостью отогнал любопытство, замешанное на едва уловимой тревоге. Дини понял, что его нельзя назвать сытым. Он лишь приглушил голод благодаря старикам, живущим на другом конце деревушки. Пока он ел, женщина дважды отходила к темному углу, и Дини догадался, что там стоит топчан, на котором... кто-то лежит.

Когда мальчик вычистил миску остатком лепешки, женщина что-то сказала лежащему, и ее голос переполнила скорбь. Дини не смог отводить глаза и посмотрел на женщину. Она стояла подле ребенка, мальчика чуть младше самого Дини. Он почувствовал, что мальчик тяжело болен.

Ему стало не по себе. Примешивался стыд. У этой милой женщины ребенок, наверное, при смерти, но она пригласила в дом чужого. Не просто пригласила. Накормила, предложила ночлег. Дини почувствовал сильное желание что-нибудь для нее сделать.

Женщина подошла к нему.

- Покушал?

Дини кивнул.

- Спасибо вам большое. Очень вкусно.

– Ты можешь спать здесь, – она указала на кровать, стоявшую в противоположном от топчана углу.

Дини встал из-за стола, не выдержал и спросил о том, что его терзало. Мать говорила ему: не бойся задавать вопросы, не бойся показаться смешным, особенно, если это продиктовано не праздным любопытством.

– Скажите, там... ваш сын?

Она опустила глаза, кивнула.

– Он заболел?

На щеке у женщины блеснула слеза. К ней присоединилась вторая.

– Заболел. Ложись, поздно.

Дини не колебался. Он не заметил, как сами собой вырвались слова:

– Можно я подойду к нему?

Женщина вскинула голову, промолчала. Возразить ей помешали неожиданность и удивление. Пока она осмысливала происходящее, Дини оказался подле топчана.

И встретил взгляд глаз на исхудавшем, подернутом болью лице.

3

От ребенка исходил жар. Дини почувствовал это прежде, чем опустился перед ним на колени.

Сказать, сколько мальчику лет, было сложно. Реальный возраст искажали худоба и одеяло, скрывавшее тщедушную фигурку. У мальчика повышалась температура. Дини почему-то знал, что у сына хозяйки жар усиливался под

вечер, под утро же температура сильно падала. Дини не смог бы объяснить, откуда взялось это знание, но сейчас он об этом не задумывался. Его приковал вид ребенка.

В свете нескольких свечей лицо казалось покрытым прозрачной шершавой пленкой. Белки глаз нездорово блестели. Во всем теле, в позе, в блеске глаз, даже в каплях пота читалась боль.

Дини нащупал руку мальчика. Пальцы с неожиданной силой сомкнулись вокруг его запястья. При этом мальчик не шевелился, только рука. Боль цепко держала его. Капли пота на лбу уплотнились.

Он обречен, шелохнулось в сознании Дини. Обречен и знает об этом. Мать не смогла бы скрыть это от него. Она не могла вызвать лекаря из ближайшего города, медицина нынче – удел избранных. Знахари, берущие меньше, есть далеко не в каждой деревне, но и они – лишь простые смертные и не могут творить чудеса. Сейчас развелось столько болезней! Некоторые из них поначалу не опасны и являют свою сущность, когда становится слишком поздно. Болезни – бич последних десятилетий, по-своему они опаснее недостатка пищи, опаснее многочисленных банд, произвола баронов.

Дини с нежностью смотрел на мальчика, ощущая в душе что-то странное, как если бы он должен был и мог поскорее придумать какой-то спасительный выход.

Между лопаток возникло покалывание, похожее на покалывание в ноге, если ее отсидеть. Мириады иголок вонзались в кожу, рождая сеточку легко переносимой боли. Покалывание распространилось на шею и затылок. Дини чувствовал волнение стоящей за его спиной женщины, чувствовал, как она хочет сказать, что ее сын умирает, что пусть он поспит, и мальчику лучше отойти и тоже поспать.

Вместо этого женщина шагнула к сыну, отерла ладонью пот с лица. И отступила.

Дини опустился на колени рядом с больным. Ребенок, в глазах которого мелькнули удивление и надежда, ослабил хватку, и Дини высвободил руку. Подушечками пальцев он коснулся тела ребенка, медленно, осторожно. Даже сквозь тонкую, пропитанную потом ткань рубашки Дини почувствовал, какая горячая кожа на груди мальчика.

Пальцы медленно спустились ниже, к его животу. Глаза больного расширились, дыхание замедлилось. Дини испытал странное ощущение: мальчик, поедавший его взглядом, удалялся, и одновременно Дини погружался в него. Он не знал, что именно делает, он как будто отдался течению невидимой реки, и его несло, несло. Покалывание, слегка усилившись, породило ощущение припекающих солнечных лучей, завладело им полностью, погружая в транс. Дальнейшее Дини воспринимал отстраненно, словно только наблюдал за происходящим.

Теперь рука ощупывала тело более требовательно и тщательно. Она опустилась еще ниже, к паху. Здесь пальцы нащупали опухоль, она вздулась так, что не вмещалась в руку. Дини не заметил ее сразу только потому, что живот мальчика прикрывало одеяло. Наощупь образование было мягким, таким же горячим, влажным, как и все тело, но даже с такой маскировкой оно не могло скрыть свою чуждую суть.

Опухоль грозила убить мальчика. Она посылала во все органы тела потоки боли, ей не надо было расти до невероятных пределов. Опухоль закончила рост, теперь она просто высасывала жизненные силы, беспощадно, с монотонностью запущенного механизма.

Дини накрыл ладонью бугор чуждой плоти, мягко, почти с робостью, как предмет, принадлежащий сейчас другому, но который он хотел бы забрать с собой.

Женщина прижала руки к груди и наблюдала происходящее расширенными глазами.

Дини почувствовал, как покалывание потоком крохотных насекомых переходит в левое плечо, в руку, в ладонь. Руку обжигало, будто он опустил ее в горячее тесто, но боли почти не было. Его глаза стали медленно закрываться.

В этот момент краем глаза Дини увидел нечто, напоминавшее тончайшую паутину или прозрачную ткань. Казалось, прозрачная ткань делила комнату на две части, абсолютно похожие, как зеркальные отражения.

Дини вздрогнул, глаза распахнулись шире. Все было по-прежнему, ни прозрачной ткани, ничего. Короткая пауза, и он вновь сосредоточился на

больном мальчике.

Продолжая держать руку на мерзком образовании, Дини закрыл глаза.

4

В доме было тихо.

Женщина в центре комнаты изредка отрывала взгляд, обращенный на своего сына, чтобы с благоговением посмотреть на маленького гостя. Горела только одна свеча, и лица детей укутало мягким, теплым полумраком, уже не пропитанным, как прежде, угрозой. Женщина стояла и наслаждалась ощущением таявшего внутри льда, который, скапливаясь, грозил задушить ее раньше, чем она увидит смерть сына.

Черная тень, висевшая над ребенком последние дни, пронеслась мимо, оставив после себя лишь холодное дуновение прошедших болей и страхов. То, чему женщина оказалась свидетельницей, она вспоминала снова и снова. Она не видела, как мальчик закрыл глаза, она больше следила за своим сыном. Она беспокоилась, что странное поведение маленького гостя, несмотря на его намерения, причинит сыну боль. Ничего подобного не произошло. Наоборот – мальчик расслабился, его лицо смягчилось. Женщина не понимала, что происходит, странный ребенок просто сидел рядом с ее сыном, положив ладонки на то место, что и являлось причиной его мучений, но это было не важно. Важным был результат.

Ее сын уже не кричал от боли. Более того, он уснул. Она видела расслабленное лицо, закрытые глаза, и хотя не сразу поверила в это, материнским чутьем понимала, что это так. Она застыла, боясь неосторожным движением нарушить это немислимое достижение.

Женщина не пошевелилась и ничего не сказала, даже когда мальчик, подарив ее сыну сон, поднялся, напоминая лунатика, кое-как пересек комнату и повалился на кровать. Лишь спустя время она убедилась, что сын спит, и приложила руку к его животу. Ей показалось, что опухоль уменьшилась. Опасаясь спугнуть счастье поспешной надеждой, она заставила себя отойти от сына и подождать до утра.

Она спала, когда ее маленький гость проснулся. Дини подошел к сыну хозяйки, приложил руку, убедился, что опухоль исчезла, и, окинув комнату взглядом, подхватил свою котомку и плащик. Он постоял несколько минут, ощущая во рту привкус пшеничной лепешки, и покинул дом.

Он не заметил существо, свисавшее темным продолговатым комком на ближайшем к дому дереве.

5

Дини вошел в следующую деревушку не потому, что испытывал голод – в котомке еще оставались лепешки. Есть почему-то не хотелось, только пить. Дини, как щенок, припадал к каждому ручейку, пил до ощущения тяжести в животе, наполнял флягу и лишь затем шел дальше.

Его тянуло в людское поселение что-то смутное, но непреклонное. Это была часть его дороги. Мальчик вспоминал прошедшую ночь, как сон, хотя и знал, что это не было сном. Он почти не думал об этом, лишь отстраненно, урывками. Событие просто произошло, он сделал доброе дело, и этого достаточно.

Он снова полагался на интуицию. Отец как-то сказал, что в человеке есть все. В каждом человеке. Каждый из нас способен сделать практически все, просто люди не знают об этом. Нужно лишь прислушаться к себе. Прислушаться не к тому, что подсказывает разум, затуманенный страхом, сотней различных желаний и мнением окружающих, совсем не к этому. Разум – особенность человека, вознесшая его, но он же одновременно и его проклятие. Прислушаться надо к тому, что внутри – к сердцу.

Мальчик свернул к деревушке, не спрашивая себя, идет ли он туда, чтобы кого-нибудь вылечить, не спрашивая, сколько будет таких людей или как быть, если он пройдет селение, никого не отыскав. Он просто шел предназначенной дорогой.

У первых домов его нагнала летучая мышь. Она дважды спикировала, едва не задев крыльями плечо мальчика, и на время исчезла. Дини заставил себя успокоиться – он ведь знал, что это произойдет. Если ничего изменить нельзя, лучше примириться, не терзать себя понапрасну. Деревенька погружалась в

тишину, некоторые дома уже боролись с подступившими сумерками тусклым светом зажженных свечей. Поля за домами лежали опустевшими – ни одного крестьянина. Дини медленно шел, рассматривая домики. Изредка ему встречались люди, спешащие домой после дневных трудов, но никто из них не заговаривал с мальчиком. Нынче много бродяг разного возраста.

Мальчик прошел больше половины деревеньки, прежде чем что-то почувствовал. Он подумывал о ночлеге в лесу, за деревней. Попроситься в чей-то дом означало просить и еды, но Дини это не устраивало. Он не был голоден и не хотел беспокоить людей без необходимости. К этому моменту у него закрадывалась мысль, что в предыдущей деревне его посетило некое озарение, которое, подобно чуду, бывает только раз в жизни. Теперь же он так хотел помочь хотя бы кому-нибудь!

Откуда-то справа, из крохотной улочки, истекал колеблющийся свет. Кто-то держал зажженный факел, возможно, несколько. Слышались приглушенные голоса, фыркнула лошадь.

Дини повернул в направлении этих звуков и шевелящихся отблесков скрытого пламени. Спустя минуту ему открылся дом, добротный для этой деревни, лошадь, запряженная в подводу, с десятков людей. Большинство стояли молча, неподвижно и казались бесплотными тенями. Лишь одна женщина причитала и суетилась, бросаясь то к одному мужчине, замершему на крыльце, то к другому, медленно и неумолимо идущему к подводе. Судя по одежде – дорогому кафтану, это был лекарь, вызванный в деревню. Мужчина, стоявший на крыльце, был мужем причитавшей женщины. Из нескольких реплик, которыми он обменялся с лекарем, из причитаний женщины Дини составил примерную картину происходящего.

Старший сын хозяев дома сломал ногу, и хотя местный знахарь наложил повязку, позволившую кости срастись, подростка подстерегла новая беда – заживающая рана загноилась. Они вызвали лекаря, хотя это ударило по их семейному бюджету, но поздно. Тот поставил свой диагноз, утверждая, что необходимо отнять конечность, чтобы парень вообще остался жив. Мать подростка, все еще не веря, что иных, кроме ампутации, вариантов нет, молила лекаря сделать что-нибудь. Без ноги ее сын будет мало отличаться от трупа.

Прежде чем сесть на повозку, лекарь остановился, оглянувшись на несчастную, отдавая дань ее горю. Его хмурое лицо не было безразличным, но он ничего не

мог изменить. Он забрался на повозку, и старик, державший лошадь за узду, вывел ее со двора.

6

Женщина заголосила громче. Казалось, она с опозданием поняла, что произошло на самом деле. Осознала, что их с мужем поставили перед выбором: дать сыну мучительно умереть или сохранить ему жизнь, которая будет хуже смерти.

Дини колебался. Здесь находилось слишком много людей – не то же самое, что предложить помощь одной-единственной женщине, готовой согласиться на что угодно. Ее муж выглядел слишком угрюмым, почти до жестокости. Дини не был уверен, что у него что-нибудь получится.

Что будет, если он без пользы отнимет у них время?

Дини не опасался, что его прогонят с гневными криками или исполосуют розгами, как шарлатана, вздумавшего посмеяться над чужим горем. Его заботило другое – каково этой женщине после вспыхнувшей надежды погрузиться в отчаяние?

Угрюмый мужчина прикрыл лицо рукой, быстро убрал ее. Полумрак мешал видеть детали, но Дини догадался, что муж женщины стер с лица слезы и постарался, чтобы никто этого не заметил. Сквозь плач женщины Дини услышал хлопки крыльев летучей мыши – она забилась в ветвях ближайшего тополя.

Мальчик шагнул из тени в переплетающиеся круги света факелов.

Мужчина, обнимавший жену, заметил его, задержал на нем взгляд.

Дини замер. Для второго шага, как ни странно, понадобилось еще больше усилий. И снова в сознании возник голос отца.

Ты можешь сомневаться – это вполне естественно для человека. Но лишь до того, как начал что-то делать. Если же начал, уже не сомневайся.

Дини будто подтолкнули. Еще несколько робких шагов.

Какой-то мужчина, родственник хозяев или слуга, пробормотал:

– Тебе что надо? Не до тебя, – он взмахнул рукой. – Иди, в другом месте подадут.

Дини не обратил на это внимания, его переполнила решимость, и он подошел к хозяевам. Его заметила женщина.

– Можно я пройду к вашему сыну? – тихо и в то же время настойчиво заговорил Дини. – Пожалуйста.

Женщина перестала плакать, мужчина ослабил объятия, в нерешительности разглядывая незнакомого ребенка.

– Я только попробую ему помочь и, если у меня ничего не получится, сразу уйду.

Никто не произнес ни слова. Все зачарованно смотрели на него. Возможно, если бы не шок от пережитого, Дини бы прогнали. Или просто не пустили бы в дом. Не дождавшись ответа, Дини медленно прошел к открытой двери.

Хозяева зашевелились, когда он оказался внутри.

Их сын – на вид ему было не меньше пятнадцати – лежал на кровати в передней комнате. Здесь был запах тяжелобольной, умирающей плоти. Когда Дини вошел, больной посмотрел на него бессмысленным взглядом, закрыл глаза.

Дини опустился на колени рядом с кроватью. Нога подростка выше колена была забинтована, из-под ткани проглядывала чернота. Прежде чем Дини приложил к ране обе ладони, он почувствовал в них прежнее покалывание. Подросток открыл глаза, когда чьи-то руки, горячие, пульсирующие, прикоснулись к нему. Потом он заснул.

Когда все закончилось, и чернота на теле уступила место серому оттенку, Дини не смог даже встать. Он опустился на пол возле кровати и погрузился в сон, больше похожий на забытие. Хозяин отнес мальчика на кровать.

Дини проспал всю ночь, утром его накормили, и он снова заснул, чтобы встать лишь к вечеру. Его уговаривали остаться, провести в доме еще одну ночь, но мальчик ушел. На прощание ему наполнили котомку едой.

Покидая деревушку в сумерках, Дини заметил, как его сопровождает летучая мышь.

3. КНИГИ ОРДЕНА ТАЛХОВ

1

Всполохи пламени лизали холодные стены узкого коридора, уходящего вглубь башни, и, не удовлетворившись безвкусным лакомством, бесплотными ящерицами убегали прочь. Чтобы вернуться и повторить все сначала.

Драго смотрел в спину провожатому, несшему факел, и вместе с другими вопросами, мучившими его, спрашивал себя, принадлежит ли тот к Ордену Талхов. Знать всех в лицо он не мог, особенно тех, кто окружал Старха, главу монашеского Ордена, но не верилось, что в его окружении имелись люди столь отталкивающего вида.

Когда Драго увидел человека, ожидающего внизу, у начала винтовой лестницы, его передернуло.

Высокий, мощный, как каменная глыба, он обладал приплюснутой физиономией то ли обезьяны, то ли бульдога. Маленькие пороссячи глазки были лишены ресниц, подбородок увечил черно-фиолетовый шрам. Лоб и щеки покрывала россыпь крупных, продолговатой формы бородавок. Казалось, на его лице благополучно и незаметно для хозяина устроились пиявки, обожравшиеся кровью настолько, что им было лениво отлепиться.

Урод ничего не сказал, даже не кивнул, призывая за собой, просто окинул подошедшего взглядом, пустым, как покинутая пещера, и повернулся, чтобы затем ни разу не оглянуться. Драго не сразу перестал о нем думать. Как же сочетается внешность провожатого с одним из тезисов монашеского Ордена,

ратующего не только за духовную, но и за физическую чистоту?

Впрочем, это мелочь. Гораздо важнее предстоящая аудиенция с главой Ордена Талхов. Драго безуспешно пытался оценить собственное положение, прежде чем предстать перед самим Стархом. Признаться, было от чего зайти в тупик.

Драго входил в когорту монахов-воинов. Орден, несмотря на официальную политику смиренного паломника, несущего народу лишь просвещение и покаяние, скрывал остро отточенные зубы. Воины составляли в Ордене большинство. Часть из них, небольшая, возможно, пять-десять процентов, не только учились сражаться любым оружием или без него, не только тренировали тело, но и обогащали разум тем, что хранила библиотека Ордена. Именно из них в дальнейшем формировалась смена монашеской правящей элиты.

Этот переход осуществлялся постепенно, в несколько этапов, которые растягивались на долгие годы. Попасть в число приближенных к главе Ордена было делом сложным: зачастую одна ошибка перечеркивала многолетние усилия. Чаше необходима была выносливость, обычная выносливость того, кто поднимается по длинной-длинной лестнице, и даже природный ум, способность к обучению отступали на второй план.

Драго, принадлежащий к талхам с рождения, не задумывался над сутью этого многовекового монашеского образования. Он жил, используя преимущества реки, несущей его вперед, и не задавался вопросом, что будет, если в один прекрасный день попытаться плыть против течения или же просто свернуть к берегу. Не задумывался до недавнего времени.

В его сознании Орден вел свои истоки с начала Мира, рожденного Великой Катастрофой. Об этом знали даже крестьянские дети. До Великой Катастрофы не было ничего, одна Пустота, хранившая в своем чреве сжатое Время, которое сжималось все больше и больше, и, в конце концов, произошел взрыв, породивший ту самую Великую Катастрофу, преобразовавшую Мир. Мир, который с самого начала был чем-то устоявшимся. Еще в стародавние времена был Правитель Всех Заселенных Земель, бароны, крестьяне, ремесленники. И монашеские ордена. Главным из которых, самым мощным, самым просвещенным являлся Орден Талхов. Это казалось чем-то незыблемым, и спрашивать, правильно ли Орден скользит по воде жизни, казалось, по меньшей мере, абсурдным.

Драго шел дорогой, дарованной судьбой, познавая премудрость, которая позволяла не терзаться понапрасну вопросами, возникавшими у простых смертных. Благодаря не только природной гибкости, но и живому уму Драго был определен в воины еще с раннего детства.

Один из этапов продвижения вперед предполагал наличие Учителя. Обычно это был пожилой монах, опытный во всех отношениях, и в учениках у него ходила лишь небольшая группа – человек пять-семь. Если кто-то из молодых монахов преодолевал этот этап, его Учитель мог рассчитывать на то чтобы стать приближенным к главе Ордена. Таким образом, заинтересованность была обоюдная. Сами ученики были лишены какой-либо конкуренции. Они не знали по каким критериям кто-то опережает остальных, и они также не знали, какое количество человек пройдет этот этап. Оно могло быть разным: от одного до всех сразу.

Этап предполагал эпизодическое общение с самим главой Ордена. Либо с кем-то из его Совета – трех старцев, высказывавших собственное мнение по какой-нибудь важной проблеме, прежде чем глава принимал окончательное решение. Главный монах Ордена задавал ученикам разные вопросы, реже что-то рассказывал сам, и его редкие посещения превращались в своеобразный экзамен, оценку которого ученик мог никогда и не узнать.

Этап также предполагал часы, проведенные в библиотеке Ордена. Был Свободный час – каждый из учеников в сопровождении Учителя выбирал книгу на свой вкус и мог, не уходя, конечно, воспользоваться тем, что в ней заложено. И еще час Бдения. В отличие от Свободного этот час был единственным за все время ученичества. Он предполагал ночь, проведенную в библиотеке. Считалось, эта ночь наедине с древними книгами подпитает монаха необходимой аурой. Монах оказывался единственным стражем библиотеки на несколько долгих часов, пока обычный охранник, тоже старый опытный монах, удалялся вздремнуть. В некотором роде час Бдения являлся допуском на экзамен, после которого молодой монах мог пройти дальше. Либо свернуть на иную стезю.

Драго было тридцать лет – возраст, раньше которого монахи вообще не оказывались в учениках, но он уже приходил к Учителю три года. Драго был очень перспективным. Он догадывался, что ему первому из его группы будет предложен час Бдения.

К этому моменту до него уже дошли слухи, которые в детстве могли показаться лишь бреднями спятившего еретика.

До Великой Катастрофы, преобразовавшей Мир, не было никакой Пустоты. До Великой Катастрофы на Всех Заселенных Землях была иная цивилизация, более мощная и развитая. И ее создали такие же люди.

2

В библиотеке Ордена стояла тишина склепа, где само Время стерло в пыль даже кости покойников. Каждый шаг разлетался меж стеллажей, заставленных книгами, плотными комками эха. Длинные ряды, лабиринтами уходящие в темноту, казалось, расступались, давая осторожным, ирреальным звукам полную свободу.

Драго с благоговением рассматривал полчища старинных фолиантов, как будто порождавших запах Вечности.

Седовласый монах, Страж библиотеки, задержал взгляд на том, кому суждено было этой ночью пройти час Бдения. Драго почувствовал этот взгляд и придал своему лицу более правдоподобную отрешенность, как подобает истинному талху.

– Ты остаешься здесь один, – тихо сказал монах, и эхо, отпущенное на волю, робко зашелестело в самую сердцевину загустевшего меж стеллажей мрака. – Помни: эти книги – мозг Ордена, и на некоторое время он останется в твоей власти. Это великая честь. Но и великая ответственность. Помни также: в час Бдения нужно молиться Небу. Позже у тебя окажется достаточно времени, чтобы получить абсолютно все знания, что скрывают эти книги. Если на то будет воля Провидения.

Голос Стража, вкрадчивый, мягкий, хранивший обманчивость маленького огонька, который в любой момент мог превратиться в свирепое, ничем не скованное пламя, смолк. Несколько секунд где-то в глубине библиотеки эхо еще шуршало полами своего невидимого плаща, но тишина Вечности впитала и эти звуки. Седовласый старик поклонился и спустя мгновения растворился на выходе.

Драго остался один.

Минуту он смотрел вслед охраннику, как будто предполагал, что тот передумает и вернется. Молиться, сказал старый монах. Молиться, чтобы благоденствие коснулось каждого человека на Всех Заселенных Землях.

Драго не имел ничего против.

И все же его жгло нетерпение, настоянное на смутных, неудовлетворенных терзаниях. На терзаниях, порожденных тем, что он услышал два года назад от Лона, входившего в его группу учеников.

Вряд ли их можно было назвать друзьями – Драго держался достаточно обособленно. Предполагалось, что все талхи – братья, и дружба между отдельными учениками получалась чем-то излишним. Так или иначе, они общались друг с другом не чаще, чем с другими молодыми монахами, но все же новости, предназначенные не для всех ушей, Лон сообщал именно Драго. Он был сыном еретика, казненного, когда Лону исполнилось два года. Насколько это было связано с тем, что якобы знал Лон, Драго не мог сказать. Он просто слушал. Наверное, Лон рассказывал ему что-то секретное потому, что Драго выглядел более отрешенным, нежели другие, и, значит, казался более надежным. Драго слушал, давно усвоив к своим годам: любая информация не берется из ничего. Даже самая невероятная ересь. Драго любил анализировать, откуда и как возникали даже те мнения, которые он с самого начала относил к ошибочным.

Лон, хоть они и находились в келье одни, говорил шепотом:

– Можешь не верить, но до Великой Катастрофы люди жили уже несколько тысячелетий. Они создали невиданную цивилизацию, которая и рухнула в результате Великой Катастрофы. Выжило очень мало людей, – Лон помолчал. – Это знал еще мой отец.

Драго никак это не прокомментировал, лишь посмотрел на приятеля.

Лон вспыхнул, как будто Учитель услышал из его уст ругательство.

– Эти люди, до Великой Катастрофы, были такими же, как мы, очень похожими. Правда, они... говорили на сотне языков, и... и звали их странными именами, совсем не такими, как наши.

На этот раз Драго не смог удержаться от вопроса:

– Скажи, зачем людям, если они были такими же, как мы, понадобилось столько языков? Куда проще пользоваться одним.

С начала ученичества Драго старался критически относиться к любому, даже незыблемому утверждению, и втайне гордился этой чертой, хотя и стремился подавить гордыню.

Лон смутился, приоткрыл рот, и Драго подумал, что приятель выкрутится. Скажет что-нибудь типа: это одна из загадок Прошлого, которое современники несправедливо нарекли Пустотой. Лон тяжело, вымученно вздохнул.

– Не знаю.

Возможно, именно эта искренность зацепила Драго, заставила поверить, что такое может быть. Много месяцев спустя Драго вопреки себе сам коснулся этой темы в разговоре. Когда Лон услышал вопрос, не поговорить ли об этом с Учителем, он побледнел.

– Не выдумывай! Никому не говори об этом! Если что, я тебе тоже ничего не говорил, я отрекись от своих слов, скажу, что на меня наговаривают. Мать как-то сказала: о том, что было до Великой Катастрофы, знают только Старх и его Совет. И самое близкое окружение.

– Почему они не скажут об этом всем талхам?

Лон замахал руками.

– Это нельзя знать всем! Если тебе суждено, и тебя приблизят, тогда и узнаешь.

Лон уже уходил, когда повернулся и чуть слышно прошептал:

– Говорят, в библиотеке Ордена есть... какие-то книги, что были еще до Великой Катастрофы. Они – самое настоящее подтверждение, что не было никакой Пустоты.

Драго помнил этот разговор слово в слово. Подтверждение – в библиотеке.

И вот он здесь без Учителя, без других учеников, он здесь один.

3

Библиотека находилась в башне, возвышавшейся над основным монастырем Ордена Талхов, где-то между верхним этажом и фундаментом. Наверху располагались кельи главы Ордена и его Совета. Ниже шли другие помещения – хранилища для реликвий, оружия и продуктов.

Потом располагался этаж, отведенный под библиотеку.

Драго был один на целом этаже, но это ни о чем не говорило. Очень близко – всего лишь три десятка шагов кверху, находился сам Старх. Еще ближе были другие люди. То, что библиотека предоставлена в его полное распоряжение, было скорее иллюзией, и Драго понимал это. Нужно молиться, сказал монах-охранник, именно молиться, а не просматривать книги. Это право предоставят ему позже.

Если на то будет воля Провидения.

Или... Драго мог уже никогда тут не оказаться.

Молодой монах смотрел во тьму стеллажей и жадно вдыхал сладковато-пыльный запах тысяч фолиантов. Возможно, он находится здесь в последний раз. Он понимал, что никакое здравомыслие не удержит его.

Максимум, на что его хватило, это выждать полчаса хоть для какой-то уверенности, что его оставили надолго. Драго стал медленно, часто останавливаясь, обходить стеллажи, вглядывался в книги, изредка брал какую-нибудь, убеждался, что она не имеет отношения к некоему Прошлому, и двигался дальше.

Чуть больше, чем за час, он обошел всю библиотеку. За это время он не один раз заставлял себя класть на место очередную книгу, привлечшую его внимание, заставлял потому, что она, какой бы интересной ни была, никак не приоткрывала ту дверцу, которую он искал.

Драго вернулся к выходу из библиотеки, выглянул на лестницу, ведущую вверх и вниз. На несколько минут застыл в задумчивости. Почему-то он уже верил, что Лон действительно слышал не ересь, а что-то имевшее под собой основу.

Драго размышлял, и наконец внутри шевельнулась догадка.

Если подобные книги есть, они не лежат на виду. Либо в библиотеке есть тайник, либо, что гораздо хуже, эти книги вообще находятся в другом месте. Например, где-нибудь в комнатах Старха. Или в одном из хранилищ. Скорее всего, именно так, и Драго испытал разочарование. Он решил довести поиски до конца, больше такого случая могло и не представиться. Прежде чем действовать, он пустил себя по следу неумолимой логики, как говорил им Учитель. Можно разложить на составляющие любую запутанную ситуацию, нужно лишь сосредоточиться, отстраниться от всего, что не касается данной проблемы, и смотреть на вещь чужими глазами.

Это принесло результат.

Драго предположил, что тайник, если он существует, находится в глубине библиотеки. Он прошел туда с двумя свечами. Не торопясь, изучил тыльную стену, прикрытую пыльными портьерами и фресками. Ничего. Он перевел внимание на пол. В отличие от большинства других помещений, где пол был каменным, в библиотеке его покрыли деревом. Драго сомневался, что перегородка между этажами вместила бы тайник для древних книг, но он не мог знать, сколько существует этих книг, и каково необходимое для них помещение.

Небольшое пространство у тыльной стены покрывала узкая ковровая дорожка. Драго приподнял ее край и оттащил в сторону.

Под ней ничего не оказалось. Обычный пол.

Вздыхнув, Драго потянул дорожку на прежнее место. Резко остановился. Зрение что-то уловило. Драго поднес поближе свечу и заметил на полу плоское кольцо. Кольцо вряд ли можно было почувствовать под ковровой дорожкой, если наступить на него, и также сложно увидеть из-за одинакового с полом цвета. Драго коснулся кольца рукой и, когда потянул его на себя, следом потянулся прямоугольный кусок пола. Это был люк, скрывавший под собой сгусток темноты, из которой пахло пылью и сухой древней бумагой.

Драго отпрянул, кольцо вырвалось из рук, и люк с глухим стуком захлопнулся.

Драго оглянулся, прислушался. Если не считать сердечного аккорда, ничего не изменилось – то же беззвучие. Он медленно потянулся к люку, нашарил кольцо, поколебался и снова поднял крышку. Откинул её. Отсветы огонька свечи заставили тьму внизу подрагивать бесформенной тушей существа, заточенного в этой потайной комнате. Драго медлил, ожидая чего-то, успокаивая собственный ум, противившийся предполагаемому спуску. Медлил, хотя понимал, что время уходит.

Наконец, он подхватил одну из свечей, спустил ноги, нащупал ступеньки лестницы и начал спуск. Тьма отступала дымной тучей, которую изгоняют порывы ветра, жалась к стенам неожиданно узкой комнатки, сворачивалась по углам, уплотнялась в них, стремясь не пустить свет хоть в какое-то место.

Драго замер, ступив на пол. Подпрыгнув, он достал бы крышку люка. Расставив руки в стороны, он коснулся бы двух стеллажей с книгами. Две другие стены комнаты, вдоль одной из которых крепилась металлическая лестница, находились не дальше шага от его дрожащих пальцев – одно движение, и он коснулся их. Стеллажи были узкими, каждая полка вмещала только один ряд книг. Их было немного, особенно если сравнивать с теми, что заполняли саму библиотеку, но от этих книг исходила необычная аура – Драго почувствовал это. Книги были другими! Не только из-за внешнего вида, какого-то лощеного, богатого что ли. Казалось, эти книги даже стояли на полках как-то иначе, более естественно.

Это необъяснимое ощущение заставило Драго потерять еще несколько минут – он лишь разглядывал книги, не решаясь притронуться к ним. Когда он все-таки взял одну, с невероятно светлой бумагой, ему почудился какой-то звук.

Звук наверху, в библиотеке.

4

Драго застыл.

Он как будто раздвоился, и одна часть требовала хотя бы открыть эту книгу, просто заглянуть в нее или спрятать ее за пазуху, но не уходить из этого затаившегося мира ни с чем. Другая часть требовала проявить чудеса скорости и ловкости, и уйти отсюда, не оставив следов, прежде чем его обнаружат.

Он не знал, что его ждет в этом случае. Вряд ли обойдется без последствий, если даже окружение Старха уже решило, что Драго прошел путь ученичества, и ему положено узнать то, что не доступно другим. Даже в этом случае.

Если же его не посчитали готовым подняться на следующую ступень в иерархии талхов...

Правая нога ступила на нижнюю ступеньку лестницы, руки протянули книгу к полке. И все же что-то заставило Драго распахнуть книгу. Дрогнувшая свеча едва не потухла. Обманчивый свет позволил увидеть строки всего на мгновение. Прежде чем захлопнуть книгу и убрать на прежнее место, Драго заметил, что шрифт разительно отличался от виденного ранее. Он не был таким плавным, изящным, как в современных книгах, скорее жестким, неумолимым, категоричным. Он был чужим. Подобное могло родиться только в каком-то ином мире. Вряд ли бы Драго понял смысл этих строк, даже обладай он долгими часами.

Поднимаясь по лестнице, он почувствовал внутри сопротивление – что-то требовало вернуться и схватить одну из книг. Поздно. Драго выскочил из тайника, опустил люк, и ему показалось, что люк хлопнул. Свеча в руке погасла, к счастью, была другая, которую он оставлял на полу. Драго поправил ковровую дорожку, замер, прислушался.

Появилась надежда, что звук, вырвавший его из тайника, померещился, но слух опять что-то уловил. Чьи-то шаги?

Спустя несколько мгновений смутный шорох перешел в шаги. Драго уловил их благодаря эху. В его сторону кто-то шел. Наверняка монах-охранник. Он что-то услышал, либо подошло время возвратиться в библиотеку.

«Отстранись», – воскликнуло в нем то, что являлось стержнем монаха-талха. То, что в первую очередь в нем и тренировал Учитель. Отстранись и спаси то, что еще можно спасти.

Драго выпрямился, расслабился. Сделал глубокий вдох.

Где-то, в другой Вселенной, раздавались неумолимые шаги.

Драго сделал долгий, затяжной выдох, выпуская вместе с ним тревогу, замешанную на суматошных обрывочных мыслях. В голове образовалась пустота, и на смену ей пришло хладнокровие.

Драго увидел ситуацию глазами постороннего. Монах-охранник еще не заметил его, и какие-то секунды в запасе были. Драго совершил оплошность – он должен находиться ближе к выходу и молиться, но никак не стоять в глубине библиотеки. Этого уже не исправить. Главное – не выдать, что он обнаружил тайную комнату. Он не оставил там следов, никто его там не видел, и, значит, решающим теперь было его поведение.

Расслабься, никакого напряжения. Особенно в лицевых мускулах.

Страж подходил медленно. Он не звал молодого монаха, проходившего в библиотеке Ордена час Бдения, он шел молча. Страж просто искал его. Драго и не надеялся, что пожилой монах уподобится женщине, испуганной отсутствием ребенка. Только не это. Талх, особенно опытный, должен оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах, даже в момент собственной казни, хотя это – высшее мастерство.

Драго уловил тень, она превратилась в расплывчатую фигуру. Драго мог опуститься на колени, закрыть глаза, изобразив моление – это как раз соответствовало объяснению, которое он заготовил, но старый монах, скорее всего, почувствует фальшь. Драго подхватил с пола свечу и двинулся навстречу.

Монах-охранник заметил его и остановился, ожидая. Драго приблизился, остановился в трех шагах. Старик окинул его равнодушным взглядом. Он ничего не спросил, не вымолвил ни слова, только рассматривал, как будто чего-то ждал. Драго почтительно молчал. Заговорить первому – не только проявить элементарную невежливость, но и поставить себя на место оправдывающегося. Драго понимал, что старик старался идти бесшумно и хотел увидеть молодого монаха первым.

Молчание длилось долго, но всему приходит конец.

– Почему ты здесь? – спросил старый монах.

Драго ждал этого, и все же ему стоило серьезных усилий сохранить невозмутимое выражение лица. Он выдержал паузу:

– Отец, в этом величественном месте я не мог сидеть без движения. Эти книги жгут меня тем, что хранят. И, чтобы молиться, мне пришлось ходить взад-вперед. Кое-как я сосредоточился только здесь, в глубине этого хранилища мудрости.

Драго умолк, ожидая реакции. В горле образовался ком, но монах не решался сглотнуть – это неминуемо придавало бы лицу оттенок вины либо страха. Слабый оттенок, но вряд ли это укрылось бы от взгляда монаха-охранника. Между тем ком в горле рос, набухал, как пораженный сустав. Снова потянулись секунды, вялые, медлительные, как очнувшиеся от зимней спячки насекомые. Превратились в минуту, вторую.

Третью.

Старый монах так ничего и не сказал. Он медленно кивнул – неопределенный жест, Драго так и не понял, что он означает, затем повернулся и пошел назад. Драго ничего не оставалось, как пойти следом за Стражем.

4. ПРОРОЧЕСТВО

На следующий день Драго получил приглашение к Старху.

Он не спал всю ночь. Думал, пытался предугадать, что принес ему час Бдения. Монах-охранник проводил его к выходу, перепоручил провожатому и напоследок сказал, что Драго обязан находиться в своей келье, не отлучаясь, молиться весь следующий день и никого не принимать.

В этом не было ничего особенного – подобное рекомендовали всем прошедшим час Бдения, но Драго напутствие Стража не понравилось. Казалось, от него потребовали ожидать своей участи, не пытаюсь скрыться.

В некотором роде так и было. После часа Бдения возможны любые перемены, но все может остаться по-прежнему. Если бы речь шла о том, продвинется он дальше или нет, Драго просто лег бы на кровать и выспался. Его тревожило другое – догадался ли старый монах, что Драго проник в тайник? Проверяли комнату под полом библиотеки после ухода испытываемого или нет? Какой участи ему ожидать? Драго никогда не слышал о подобных преступлениях или, если это правильнее, проступках.

Он встревожился, когда не появился Лон, хотя день близился к концу. Приятель знал о часе Бдения Драго и никак не сдержал бы любопытство – он всегда игнорировал мелкие запреты. Конечно, Лон мог быть занят – жизнь талха на этапе ученичества насыщена, – но приятель мог освободиться хотя бы на минуту.

Создавалось впечатление, что Драго незримо охраняют, и Лона просто-напросто не пустили. Когда к нему заглянул сам Учитель и бесстрастно сообщил о главе Ордена, уверенность Драго в этом стала полной. Учитель вышел, Драго даже не успел рассмотреть его лицо, заговаривать сам он не рискнул.

Драго поднялся, выглянул из единственного окошка, но это ничего не дало. Он видел лишь часть пустого внутреннего дворика длинного одноэтажного здания, где помещались кельи учеников. Впрочем, смысла в серьезной охране нет. При желании Драго мог покинуть монастырь незамеченным, однако этим он ничего бы не выгадал. Он станет изгоем, а тот, кто изгнан из Ордена, уже ни к кому не прилепится – его все будут чураться сильнее, чем прокаженного. И Драго отдал

себя в руки судьбы. Он не знал, что его ждет, и все могло измениться в лучшую сторону.

Стемнело, когда снова заглянул Учитель и сообщил, что Драго ждет провожатый. Ждет у входа в башню. На этот раз Драго не задал ему ни единого вопроса. Это был бы признак слабости, даже вины. Драго решил, что легче идти вперед, не зная собственной участи.

Он оставался в неведении до тех пор, пока провожатый с пиявками бородавок на лице не ввел его в небольшую тускло освещенную залу. Где его уже ждали. Здесь было больше света, чем на лестнице или в коридоре, однако Драго пришлось некоторое время привыкать к своеобразному освещению.

У дальней стены, где располагались ожидавшие молодого монаха люди, горел факел, но их лица оставались в тени. С десятков свечей, разбросанных по периметру помещения, лишь слегка разгоняли полумрак. Урод равнодушно, без подобострастия поклонился и бесшумно вышел. Драго остался наедине с четырьмя неподвижными фигурами, казалось, сотканными из загустевших кусков мрака.

Старха он узнал сразу, прежде чем глаза привыкли к освещению. Глава Ордена сидя казался выше остальных, хотя это было не так. Он сидел на некотором возвышении, занимая центральное место. Как и у простых монахов, его голову покрывал капюшон рясы, хотя под ним пряталась копна длинных волос – признак элиты талхов. Рядовые члены Ордена брили голову наголо. Широкая ряса скрадывала фигуру Старха, делала ее бесформенной, но Драго слышал, что телу главы Ордена позавидует любой из молодых монахов.

Трое других монахов Совета были одеты в одинаковые плащи, скромные на вид, но из дорогой ткани. Все трое были седовласы, будто Боги, сошедшие на Землю вершить Всемирный Суд.

По правую руку от Старха сидел Луж. Поговаривали, что из трех монахов Совета, официально имевших равную силу голоса, именно Луж обладал особым влиянием на главу Ордена. Он и сидел ближе других. В случае смерти Старха или его тяжелой болезни главой Ордена становился Луж. Слева от Старха располагался Занл, худощавый, мелкий, ниже остальных. Справа от Лужа сидел Уинар. Волосы его казались посыпанными мукой, настолько яркой была седина,

тело – плотнее, чем у других.

Перед членами Советами находился высокий стол, где лежала доска с фигурами из кости. Шахматы. Партия находилась в начальной стадии – ни белые, ни черные фигуры не сделали еще ни одного шага. Кто и против кого собирался играть в этом помещении Драго, конечно, не мог знать.

Драго не различал их глаз, но чувствовал, что они смотрят на него. Они будто испытывали его взглядом, прежде чем испытать словами. Молчание длилось долго. Верный признак того, что из него хотят вытянуть как можно больше, прежде чем состоится собственно разговор. Драго неплохо справлялся с собой. Правда, под этими взглядами он не мог ни о чем думать, вся энергия уходила на то, чтобы оставаться бесстрастным, но в данный момент суетливые размышления, терзавшие, пока он поднимался на верхний этаж башни, не были нужны.

Луж пошевелился, и Драго, внутренне вздрогнув, приготовился к началу разговора. Однако никто из четырех старцев, сидящих полукругом, не произнес ни слова. Лишь спустя еще три-четыре минуты Старх, наконец, заговорил:

– Драго, можешь взять стул и сесть.

Голос мягкий, уверенный, пропитанный внутренней силой. Не властью, именно силой ума и достоинством отдельно взятого человека.

Драго склонил голову.

– Спасибо, отец, в твоём присутствии я предпочитаю стоять.

Никто никак не отреагировал на эту дань уважения подчиненного, лишь Старх сделал неопределенный жест рукой, но он мог означать что угодно, даже «как хочешь».

– Ты прошел час Бдения, – Старх сделал паузу. – Твой Учитель считает, что ты обладаешь более острым умом, чем остальные ученики его группы. При этом ты – воин, не уступающий многим опытным монахам.

Драго осторожно поклонился. Холод, хозяйничавший внутри, начал отступать. Конечно, он мог поторопиться с выводами, и начало разговора не являлось его сутью, но сдерживаться было выше его сил. Похоже, его проникновение в тайную комнату осталось незамеченным. Это было самым главным. Не важно, прошел он этап ученичества или нет, для упорного монаха всегда остается шанс продвинуться дальше, но не для того, кто нарушил общие правила талха.

– О твоей дальнейшей судьбе в нашем братстве мы поговорим позже. Прежде, чем сообщить, зачем ты вызван, позволь задать тебе один вопрос.

Драго напрягся, интуитивно, не успев ни о чем подумать.

– Скажи, что было до Великой Катастрофы?

2

У Драго перехватило дыхание. При этом он не изменился в лице, что было особенно сложно, если учесть, что их взгляды стали еще пристальней.

Что это было? Провокация? Хотят, чтобы он признался лично?

Он смотрел на главу Ордена, а перед глазами почему-то возникло лицо Учителя. Какой бы проступок ни совершил талх, говорил тот, он не терзается этим. Если все позади, если ничего нельзя изменить, терзаться бессмысленно. Нужно лишь сделать выводы на будущее, но ни в коем случае не обращать их в прошлое.

Драго мог признаться в содеянном, это уже не имело значения, но он воспротивился этой мысли. Что если никто не следил за ним во время часа Бдения? Как они докажут это, если он не оставил в тайнике никаких следов?

Отрицай! Возможно, этот неприятный вопрос вовсе не является ударом в спину, и для него у главы Ордена имеются свои причины.

Пауза затягивалась, и Драго, так и не сумев расслабиться, искал подходящий ответ. Чувствуя, что дольше тянуть нельзя, и он выдаст себя, Драго склонился к тому, что должен официально знать каждый монах.

– До Великой Катастрофы не было ничего. Одна Пустота.

Старх чуть заметно кивнул.

– Драго, ты не задумывался, насколько верной является эта истина?

Драго сглотнул. К счастью, он хорошо владел собой.

– Зачем, отец? Это же истина!

Старх снова кивнул, непонятно, удовлетворенный ответом или нет.

– Да, истина, но кто ее придумал? – Старх не спрашивал, он размышлял, и Драго промолчал. – Тот, кого мы не знаем и никогда не видели? Тот, кто был таким же смертным? Тот, кто был отягощен терзаниями и проблемами, как и большинство остальных людей? Между тем это не совсем так.

Старх подался вперед, породив у Драго иллюзию, что он вот-вот коснется молодого монаха протянутой рукой, хотя между ними было никак не меньше пяти шагов.

– Я говорю о Пустоте.

Трое старцев из Совета зашевелились, точь-в-точь люди, которым стало неуютно от посторонних разговоров. Драго хотелось сейчас только одного – скорее уйти отсюда. Пусть Старх замолчит, остановится на том, что уже сказал, и Драго избегнет чувства, что его посвящают в детали преступления, после чего он станет соучастником.

Старх продолжал:

– И не только о Пустоте. О Великой Катастрофе тоже. Конечно, Катастрофа была, но ее сущность извратили за столетия религиозные учения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolosov_igor/iduschiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)